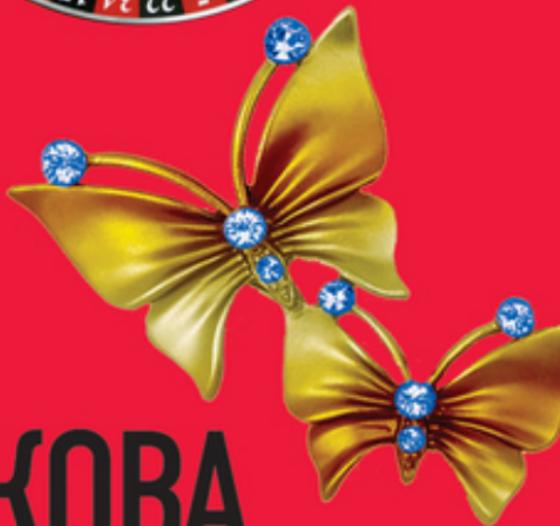


**ДЕТЕКТИВ-
РУЛЕТКА**



**ОЛЬГА
БАСКОВА**



**БЛИЗНЕЦЫ
ПО НЕСЧАСТЬЮ**

Ольга Баскова

Близнецы по несчастью

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=440165

Близнецы по несчастью: Эксмо; М.; 2010
ISBN 978-5-699-45794-6

Аннотация

Никиту, коллегу знаменитой журналистки Кати Зориной, снедает честолюбие. Ему тоже хочется добиться высот в профессии. Наконец настает его звездный час – в редакцию приходит письмо с просьбой опровергнуть обвинение в предательстве, прозвучавшее в СМИ в адрес ветерана войны Прохоренко... Никита жаждет самостоятельно провести первое журналистское расследование. Не поставив никого в известность, он берет отпуск за свой счет и отправляется на место давних событий. Скоро он понимает: успех в этом темном деле придет к нему лишь ценою жизни...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	30
Глава 5	39
Глава 6	48
Глава 7	54
Глава 8	69
Глава 9	76
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Ольга Баскова

Близнецы по несчастью

Глава 1

История, заставившая меня поволноваться и пересмотреть взгляды на жизнь, случилась в августе. Признаться, я давно ожидал, что нечто произойдет со мной и даст хороший толчок моей остановившейся карьере. Два года я корпел в редакции «Вестей Приреченска» в отделе писем, считая: фортуна обошла меня вниманием. Ну посудите сами: как может выдвинуться никому не известный молодой журналист без связей, прозябающий в таком неперспективном месте? Моей ровеснице Катюхе Зориной, с которой мы вместе учились в университете на факультете журналистики, кстати, на дневном отделении, повезло куда больше.

Однажды в конце августа я задержался в редакции дольше обычного. Мать попросила навестить свою сестру, мою тетку, жившую неподалеку от моего места работы. Я тут же созвонился с тетей Валею, и она милостиво разрешила прийти в семь часов. Мой рабочий день кончался в пять. Ехать домой в другой конец города бессмысленно. Я решил задержаться. Чтобы потом, как говорится, не приходя в сознание, отправиться к любимой родственнице. Бросая взгляды на

старинные стенные часы, висевшие напротив моего стола, я вскрывал конверты, механически просматривая письма. Все они содержали уже изрядно надоевшие жалобы на неоправданно высокие цены за коммунальные услуги – документы местного значения, на которые, по сути, не стоило тратить времени.

Лишь один адрес на конверте привлек мое внимание. Город Южноморск, Крым. Вот те на! Кому из жителей солнечного полуострова понадобилось писать в редакцию «Вестей Приреченска»? И зачем? Не знаю почему, но мои ладони сразу вспотели. Ножичком для разрезания бумаги я осторожно вскрыл конверт.

На вырванном из тетради листке твердым почерком было написано: «Уважаемый редактор! Наверное, вы удивитесь, увидев мое письмо, но если внимательно его прочтете, поймете: у меня не было выхода. На старости лет я сделался изгоем не только в собственном городе, но и в городах, где меня хорошо знали и считали героем. Впрочем, обо всем по порядку.

В 1941 году мне исполнилось шестнадцать. Вы помните, каким событием ознаменовалась эта дата? Я и мои родители не успели эвакуироваться из Южноморска и остались в оккупированном Крыму. Вскоре я узнал: подобная участь постигла еще двенадцать моих одноклассников. Так получилось потому, что наши семьи до самого последнего дня не верили, что фашисты войдут в наш город. Мы ошиблись.

Весной я услышал от ребят, что наш классный руководитель, учитель истории Вячеслав Петрович Котиков, дезертировал с фронта и сотрудничает с немцами. Позже выяснилось – это не так, на самом деле он бежал из плена. Опуская некоторые подробности, которые расскажу при встрече, если вы заинтересуетесь моим письмом, продолжу. Котиков предложил создать в Южноморске подпольную молодежную организацию. Чем она занималась? Пускала под откос вражеские поезда, вешала предателей, устраивала разного рода диверсии. Кроме того, мы наладили связь с партизанскими отрядами, действовавшими в горных районах.

В тот роковой день Котиков отправил меня за линию фронта. Вернувшись, я узнал страшную новость: кто-то выдал нас фашистам, и те, подвергнув моих товарищей жестоким пыткам, всех приговорили к расстрелу и в тот же вечер привели приговор в исполнение. Должен заметить, мы не раз говорили с Котиковым о стукаче в организации. Многие мероприятия, тщательно разработанные и подготовленные, срывались: каким-то образом о них узнавали немцы или полицаи. Представляете, моих товарищей расстреляли, когда до освобождения Крыма оставалось всего три дня! Все это время я находился в отряде лейтенанта Санникова, думая, что из всех подпольщиков уцелел один. Однако вскоре до меня дошла радостная весть: спаслось еще четыре человека. Владимир Коротков, с которым мы оба были отправлены командиром из Южноморска и расстались, решив направить-

ся в разные стороны, Таня Снежкова и Ярослав Черных в тот роковой день отсутствовали и потому избежали страшной участи. О том, что в живых осталась и Света Фадеева, я узнал в далеком Кенигсберге.

Разумеется, мы с Владимиром и Ярославом не покинули ряды Красной Армии, участвовали в освобождении родного города. Судьба хранила нас. Коротков дошел до Берлина, Черных – до Таллина, я – до Кенигсберга. Именно там и произошла памятная встреча со Светланой, работавшей медсестрой в госпитале. Услышав ее рассказ, я чуть не лишился чувств. Она оказалась вместе с остальными в застенках гестапо. Девушку пытали, а затем расстреляли в числе других. К счастью, Свету только ранили. На подступах к Крыму уже шли бои, и гитлеровцы, торопливо засыпав тела землей, скрылись, не проверив качество своей черной работы. Вот почему Фадеева не задохнулась. Придя в себя, она вылезла из рва и, еле держась на ногах, побрела к нашей учительнице биологии, жившей неподалеку от места трагедии. Та, промыв бедняжке раны, спрятала ее до прихода наших солдат. Встретив освободителей и подлечившись (ранена она была легко), Света попросилась медсестрой в один из пехотных полков и дошла до Кенигсберга. Жаль, что наша с ней встреча оказалась последней. Эта отважная девушка больше никогда не давала о себе знать.

С Таней, Володей и Славой мы постоянно поддерживали отношения: регулярно переписывались, ездили на чествова-

ние ветеранов Великой Отечественной войны в Крым, а на старости лет и вовсе перебрались в родные края. Следы же Светы затерялись. Никто из нас ее не встречал и ничего о ней не слышал.

Теперь я перехожу непосредственно к тому, из-за чего пришлось вас потревожить. Год назад в нашей местной газете ко Дню Победы напечатали большую статью, посвященную нашей подпольной организации. Начав читать с благоговением, через минуту я покрылся холодным потом. Некто Б. Игнатъев нагло утверждал: предателем, виновным в гибели подпольщиков, являюсь именно я. Автор привел веские, как ему казалось, аргументы. Проведя журналистское расследование, он якобы точно это выяснил. Свету расстреляли вместе со всеми, лишь чудо спасло ей жизнь. Таня, Володя и Слава действительно отсутствовали по веским причинам: девушка бегала к родственникам в деревню Соколовку, откуда всегда приносила свежий творог и молоко, Володю Котиков отправил за линию фронта, Славу – в соседний партизанский отряд. Наши войска подходили к Южноморску, и командир надеялся на помощь: видно, какое-то шестое чувство подсказывало, что всем грозит гибель.

По мнению ушедшего журналиста, один я шлялся неизвестно где. «Он говорит, что ходил за линию фронта, – с гневом писал Игнатъев, – однако при проверке выяснилось, что этого никто не может подтвердить».

Клянусь вам, я действительно выполнял задание и влился

в отряд лейтенанта Санникова. Уважаемый редактор, я прошу, умоляю: помогите мне восстановить доброе имя. Разумеется, я мог бы и сам, однако возраст и силы уже не те. Это во-первых. Во-вторых, по неизвестной причине мои друзья, с которыми съедено столько пудов соли, отказываются со мной общаться. И Татьяна, и Владимир, и Ярослав не желают объяснить, что произошло. Причины мне до сих пор неясны. Неужели и они уверились в моей подлости?

Мне хотелось бы, чтобы вы разыскали Светлану. В детстве мы с ней были соседями, дружили, и если она жива, то, думаю, поможет вам. С уважением, Григорий Иванович Прохоренко».

Дальше ветеран сообщал два адреса и два телефона. Первые были почему-то приреченские. Я почесал затылок. С одной стороны, ужасно не хотелось никуда тащиться в такую жару, даже в Крым. С другой – какое-то шестое чувство подсказывало: «Это твой шанс, дружок. Можно сделать убойный материал. События Великой Отечественной войны до сих пор интересуют всех, и твоя статья не останется без внимания». Короче, второе перевесило, и я начал набрасывать план действий, так увлекшись, что из головы начисто вылетело посещение тетки.

На следующий день я был на рабочем месте ни свет ни заря, зная: пожилые люди рано встают, днем обязательно совершают прогулки и рано ложатся спать. Вот почему уже в девять я набирал номер телефона Прохоренко. Он словно

ждал звонка. Чуть дребезжащий голос бодро ответил:

– У аппарата.

– Здравствуйте, – я старался говорить как можно мягче, – вам звонят из редакции «Вестей Приреченска». Мы получили ваше письмо.

Григорий Иванович вздохнул:

– Да.

– Кстати, что заставило вас обратиться именно в наш город и нашу газету?

Ветеран усмехнулся:

– В вашем городе живет дочь моей родной сестры, которая ни на секунду не поверила клевете. Она и посоветовала: «Дядя Гриша, в нашей газете работает одна журналистка по фамилии Зорина. Распутывала такие истории, что твоя по сравнению с ними просто жалкая выдумка. Кстати, она еще никому не отказывала в помощи. Кроме того, я буду интересоваться, как идут дела». Это первое. Второе: я буду гостить у нее до конца лета». Разумно?

Я почувствовал комок в горле. Только бы старик не потребовал Катерину! Тогда горел синим пламенем мой сенсационный материал.

– Разумно, – я постарался ответить как можно спокойнее. – Есть, правда, одно «но»: Зорина в длительной командировке. Заняться вами попросили меня.

Прохоренко, похоже, не возражал.

– Хорошо.

– Думаю, нам необходимо встретиться, – я боялся, что он откажет. – Когда мне подъехать?

– Такие дела не откладываются, – назидательно заметил Григорий Иванович. – Я начинаю ждать вас с этой секунды.

Я удовлетворенно кивнул:

– Бегу.

Схватив со стола папку из натуральной кожи – подарок якутских коллег ко дню рождения, – я помчался как ветер, чуть не сбив на лестничной клетке Катю Зорину.

– Сумасшедший, – пошатнувшись, она отступила к стене, – куда несешься?

Вот тогда-то мне и следовало все ей рассказать. На журналистских расследованиях Катерина съела собаку, и вдвоем мы бы составили сильный тандем. Однако я не желал ни с кем делиться. Дама уже купалась в славе, в отличие от меня.

– Дела, дорогая, – шепнул ей я, остановившись на секунду, – потом расскажу.

– Ну зайди как-нибудь.

Плавной походкой королевы она продолжила путь. Я же, примчавшись на остановку, с трудом втиснулся в подошедший автобус. Дом автора письма был чертовски далеко. Два автобуса, трамвай и троллейбус – и все приходилось штурмовать. Впрочем, меня это разозлило, но не испугало. Я давно понял: в жизни ничего не преподносится на блюде с голубой каемочкой.

К одиннадцати часам, проклиная всех и вся, я добрался до

многоэтажки, стоявшей как столб посреди пустыря. Данный строительный проект просто поражал полным отсутствием логики. Мрачные своды коридоров, переплетенных в причудливом лабиринте, наверняка хранили преступные истории. Квартиры здесь стоили очень дешево. Жить в таком доме я бы не рекомендовал никому, особенно женщинам. Представив, как девушки, сутулясь, шаг за шагом преодолевают метры темноты, я вытер холодный пот. Тем не менее, постаравшись переключиться на будущую работу, я поднялся на второй этаж и позвонил в квартиру номер восемь. За дверь послышались торопливые шаги.

– Иду, иду!

Высокий худой старик возник на пороге через секунду:

– Вы журналист? Заходите.

Я представился. Он протянул мне морщинистую коричневую руку с узловатыми пальцами.

– Очень приятно. Тронут, что моим письмом так быстро заинтересовались.

Обняв меня за плечи, Прохоренко подтолкнул в гостиную с круглым столом и небольшим диваном.

– Присаживайтесь, где вам удобно. Может быть, чайку?

Мысль о горячем вызвала тошноту.

– Спасибо, нет, – выдавил я, – а чего-нибудь холодненького не найдется?

Юркнув на кухню, Григорий Иванович через минуту вернулся с бутылкой минеральной и высоким стаканом.

– Пейте, пожалуйста.

– Спасибо.

Водичка была такой холодной, что стакан моментально запотел. Я жадно начал пить. Старик с улыбкой смотрел на меня, вероятно, оценивая, справлюсь ли я с поставленной задачей.

– Вы больше ничего не хотите добавить к написанному? – я отставил бутылку. Лицо ветерана омрачилось.

– Не знаю даже, как сказать, – жилистой рукой он коснулся лба. – Но, пожалуй, кое о чем надо поведать. Когда я отправился к Володьке и Славе... Должен отметить: с Владимиром мы дружили еще со школы. Он открыл мне дверь, всем своим видом демонстрируя желание поскорее избавиться от непрошеного гостя. Знаете, меня поразил его взгляд, взгляд затравленного кролика. Не поздоровавшись, бывший приятель спросил:

«Что тебе нужно?»

Я оторопел и несколько секунд не мог вымолвить ни слова. Потом, придя в себя, принялся объяснять, что хочу реабилитироваться, рассчитываю на его помощь. Он замахал руками.

«Пусть все останется на твоей совести».

Признаться, я не узнавал старого друга. Его лицо побелело от ужаса. Такого не случилось и в войну, когда смерть подступала совсем близко.

«Григорий, прошу тебя, уйди, – еле выдавил он. – И забудь

ко мне дорогу».

Я вздохнул:

«Значит, мы больше не друзья?»

Он силой выпроводил меня за дверь.

«Понимай, как считаешь нужным».

То же самое постигло меня и с Татьяной. Слава гостил в Симферополе у родственников, и я в принципе собирался и к нему, но после разговора с бывшей одноклассницей и соратницей схватило сердце. Я понял: третьего подобного свидания просто не переживу.

– И вы не попытались больше встретиться с ними и выяснить, чем вызвано такое отношение к вам? – спросил я.

– Естественно, я звонил им, – раздраженно заметил старик. – Но они не хотят со мной общаться.

– Позвоните еще раз, – посоветовал я, – предупредите, что расследованием займется независимый журналист. Может быть, узнав, что вы решили до конца защищать свое доброе имя, ваши товарищи осознают свою неправоту?

Он кивнул:

– Попробовать стоит.

Я настаивал:

– Позвоните при мне.

Старик покорно снял трубку, и через две минуты послышался его взволнованный голос:

– Это я, Владимир. Нет, будь добр, выслушай. Скоро к тебе придет журналист приреченской газеты. Он поможет

восстановить справедливость. Что? – Григорий Иванович беспомощно развел руками. – Повесил трубку. Сказал: когда восстановят, тогда и поговорим.

Меня это не смутило.

– Звоните Татьяне.

С ней повезло больше. Выслушав своего одноклассника, женщина заметила:

– Буду рада. Честно. Пусть приходит.

Я снова налил воды в стакан:

– Скажите, у вас никогда не возникала мысль, кто в действительности мог выдать вашу подпольную группу?

Прохоренко пожал плечами:

– В том-то и дело, что нет. Мы все проверены сотнями заданий.

– А с чего мне начать поиски Светланы?

Григорий Иванович с тоской посмотрел в окно:

– Не представляю, куда она делась и почему не пыталась встретиться с нами.

– Но она же не иголка в стогу сена! Зная имя, отчество, фамилию, хотя бы девичью, и год рождения, найти человека не так уж сложно. Постараюсь вам помочь.

Старческие фиолетовые губы задрожали, по морщинистым щекам покатались слезы. Я быстро отвернулся. Мне претит мысль общаться со стариками. Любому известно: пожилые люди страшно разговорчивы и чувствительны, да только в самый неподходящий момент забывают о том, что

собеседнику от них нужно. Я уже предвкушал подобные беседы с бывшими друзьями Прохоренко, но выхода не было.

«Передай это дело Зориной, и она быстро его раскрутит, – мысленно подбадривал я себя. – А тебе останутся жалобы на дорогие коммунальные услуги. Правильно говорится, кесарю – кесарево». Встав, я протянул Григорию Ивановичу визитку:

– Здесь все мои телефоны.

Он без эмоций отправил ее в широкий карман старых спортивных штанов.

– Когда вы планируете выехать в Крым?

Я замялся:

– Если наш главный не против, то завтра утром.

Его сморщенное лицо просияло:

– Вы уже уходите? Я еще не показал вам фотографии.

Я решил: это излишне. Его дорогие одноклассники наверняка доконают меня старинными альбомами.

– Извините. Мне пора. Нужно решить еще массу вопросов!

– Понимаю.

К его чести, старик не стал меня удерживать. Желание как можно скорее восстановить справедливость пересиливало остальные. Положив на мое плечо худую руку, он прошептал:

– Передайте им, что я люблю их и ни на что не обижаюсь. На этой горестной ноте мы распрощались.

Глава 2

Анатолий Николаевич Пенкин, наш главный редактор, выслушав меня, улыбнулся одними уголками губ:

– С чего это ты решил взять отпуск за свой счет?

– Очень надо!

Он повертел в длинных пальцах шариковую ручку:

– Понимаю, Никита, надоело копать в жалобах. Вижу, парень ты молодой, амбициозный. Наверняка есть веская причина. Далеко собрался?

– В Крым.

Редактор потер переносицу:

– Поезжай. Работы у нас сейчас мало.

Я просиял:

– Тогда бегу на вокзал.

– Подожди, – он серьезно посмотрел на меня. – Если учуял хороший материал, не забывай информировать. А если пахнет журналистским расследованием, посоветуйся с Зориной.

Я замотал головой:

– Как бы не так. Чтобы она играла первую скрипку?

Ему это не понравилось.

– Катерина не такая. Кстати, она не ищет сюжеты для своих книг в редакции.

Меня это не успокоило.

– Зато продемонстрировала нам, как стать известной.

Обязательно женюсь на оперативнице.

С этими словами я откланялся. Пенкин не стал меня удерживать.

Утром скорый Москва – Симферополь уносил меня в далекий Крым. По мере приближения к солнечному полуострову в вагонах становилось все жарче и жарче. Разгоряченные проводницы носились по тамбуру, предлагая чай. Находились охотники, с удовольствием глотавшие его целыми стаканами. Я не относился к их числу. Забравшись на верхнюю полку, читал газеты и журналы, которые приобрел на вокзале. Толстая соседка средних лет, сначала попытавшаяся разговорить меня, вскоре поняла бесплодность своих попыток и обиженно умолкла. Мне только этого и надо было. Я знал по опыту: таким дамочкам только дай волю – и они будут трещать всю дорогу, не приходя в сознание, о детях, о родителях и даже о домашних животных, которых не выносит кто-то, живущий в одном с ней подъезде. Мне же хотелось остаться наедине с собой.

Симферополь встретил меня пятидесятиградусной жарой и полным отсутствием намека на порывы живительного ветерка. На мое счастье, автовокзал находился всего в трех шагах от железнодорожного, серого, маленького. На фоне огромного «Макдоналдса» автобусов было почти не видно. Несмотря на толпы разомлевшего от солнца злого народа, мне удалось взять билеты до Южноморска. От столицы Кры-

ма до нужного мне городка меня домчали за два часа. Автобус остановился на маленькой пыльной станции, и я, забрав багаж, отправился на стоянку такси. Шустрые водители машин всех мастей наперебой предлагали свои услуги. Я распахнул дверь старой, выдавшей вида «шестерки», небрежно кивнул водителю:

– В гостиницу, расположенную в центре.

Смуглый черноволосый парень уставился на меня:

– Есть частные отельчики на берегу моря.

– Мне надо в центр.

– Слушаюсь, командир. – Сдвинув на лоб кожаную кепку, водитель нажал на газ, и машина понеслась на всех парах. Быстрая езда удивила меня. Я не обещал щедрых чаевых за доставку в срок, вообще ни словом не обмолвился о времени. Следовательно, подражание Шумахеру, стоившее нескольких неприятных минут, похоже, было его фирменным знаком. Несколько раз мне казалось, что мы слетим в кювет, и я хватался за сиденье. На лице шофера не отражалось никаких эмоций. В мгновение ока он доставил меня к пятиэтажному зданию с неоновой вывеской «Гостиница «Морская».

– Сколько я вам должен?

Названная цена не была непомерной для Приреченска, и я расплатился, заметив у парня легкую ухмылку на потрескавшихся губах. Вероятно, те, кто не торговался, не вызывали у камикадзе уважения. Открыв обшарпанную входную дверь

гостиницы, я прошел в вестибюль, пахнувший мастикой для полов. За конторкой сидела пухлая блондинка неопределенного возраста. На пышной груди красовался бейджик «Столетова Евгения Павловна».

– Вы хотите у нас поселиться? – дежурная улыбка продемонстрировала все тридцать два зуба, добрая половина которых была оправлена в золото.

– Вы против? – парировал я.

Она расхохоталась:

– Заполняйте анкету.

Еще в поезде я продумал, за кого стану себя выдавать. Извещать встречных и поперечных о своей настоящей профессии, разумеется, не стоило. Именно поэтому в нужной графе я старательно записал: «Менеджер по туризму». Это не могло не понравиться Евгении Павловне.

– Туризм – это хорошо, – задумчиво проговорила она. – Вероятно, вашими стараниями наш отель всегда будет полон. Вам одноместный?

Денег у меня было достаточно: все же я человек холостой, к одежде и развлечениям равнодушный. Да и подругой как-то еще не обзавелся, поэтому решил не скупиться:

– Одноместный. С видом на город.

Ее нарисованные брови поползли вверх, как дождевые черви из консервной банки.

– Побаловать красотами не можем, если вы на это рассчитываете. Стоим не в том месте.

Я поспешил ее успокоить:

– Для меня это не главное.

– Тогда возьмите 517-й.

В небольшой комнате с затхлым воздухом и заляпаннми чем-то жирным обоями не было ни кондиционера, ни бара, услужливо наполненного прохладительными напитками. Телевизор, естественно, не работал. Не помогло и то, что я как следует треснул по пластиковому боку. Значки на краях претенциозно заявляли о наличии как холодной, так и горячей воды, однако из обоих текла не просто холодная, а ледяная. Вероятно, трубопровод брал воду из горной речки и был напрямую подключен к гостинице. Начальство по-своему понимало слово «оздоровление». Разгоряченный жарой, я с некоторой опаской подставил тело под обжигающие струи, но они, надо заметить, меня освежили и взбодрили. Чистая рубашка заставила почувствовать себя человеком. Теперь предстояло ознакомиться с городом. Настоящий турагент обязательно возьмет машину напрокат. Так я и поступил. Единственное в городе агентство предоставляло клиентам такие потрепанные авто, что я расстроился. Впрочем, возможно, владельца сбил с толку мой нереспектабельный вид. Мужик решил: с меня достаточно и «двушки» года выпуска этак восьмидесятого. Зато цена показалась мне непомерной.

– Жара, наверное, свела меня с ума, – поделился я с владельцем или работником (во всяком случае, кроме нас дво-

их, поблизости никого не было). Он усмехнулся, взъерошив рыжие волосы:

– Че не так?

– Если это «Кадиллак», – я пнул по колесу машины, – то я снежный человек.

Улыбка стала еще шире. Он не повел и бровью.

– Не нравится – найду другого.

– Что-то я не вижу очереди.

Парень махнул рукой:

– Это мое дело. Забирай колымагу и уматывай, пока я не дал тебе пинка. Бродяге твоего типа солидные тачки не по карману.

Я спросил как можно вежливее:

– А вы такие имеете?

Грациозной походкой медведя он пошел на меня.

– Ну, ты...

Я решил стоять на своем.

– Вот моя цена за три дня. – Я вытащил из кармана три мятых бумажки и помахал перед веснушчатым лицом. – Не согласен – расстаемся с миром.

Рыжий поднял глаза к небу, вероятно, подсчитывая прибыль:

– Черт с тобой. Забирай.

– То-то, командир.

Он сплюнул на горячий песок:

– Только не забудь вернуть в срок.

Машина оказалась на удивление юркой. Поднимая уличную пыль, я несколько часов колесил по городу, неплохо изучив его. Разумеется, с Приреченском Южноморск не шел ни в какое сравнение, хотя и от своего родного городишки я никогда не был в восторге. Наверное, мало кто понимал, почему вообще Южноморск считали городом. Здания выше одного этажа, горделиво украшавшие центр, можно было пересчитать по пальцам. Немногочисленные широкие мостовые плавно перетекали в частный сектор, составлявший, пожалуй, большую часть Южноморска. Правда, при выезде за город открывались такие живописные виды, что захватывало дух. Мелкая блестящая галька манила расстелить полотенце, а чистая голубая вода звала окунуться. Недолго думая, я так и сделал. Августовское море приятно ласкало тело, пока я преодолевал расстояние до буйка. Пляж поражал безлюдьем. Аншлага не наблюдалось. Наверное, летние гости постепенно разъезжались. Вытащив из сумки мобильный, я сделал несколько снимков, надеясь, что потом, в ненастные осенние дни, они согреют мне душу. Отряхнув подстилку, я направился к машине. Чей-то пристальный взгляд я почувствовал, когда поднимался по выдолбленным в скале ступенькам. Оглянувшись, не увидел ничего подозрительного. Семейная пара – явно не молодожены – подставляла солнцу и без того темно-коричневые лица. Пацаны лет пятнадцати резвились в море, показывая искусство опытных ныряльщиков. Кто же в таком случае глядел мне в спину? Или все дело

в палящем солнце? Отогнав мрачные мысли, я взглянул на часы. Следовало навестить Владимира Егоровича Короткова.

Ветеран войны, подполковник в отставке, жил в двухэтажном доме на Тополиной улице. Высокие стройные каштаны почти скрывали старинный особнячок. Я поднял глаза. Чья-то тень мелькнула в окне второго этажа и сразу скрылась за красными портьерами. По всему видно: меня уже поджидали.

Глава 3

Владимир Егорович Коротков, плотненький старичок небольшого роста с нависшими над глазами седыми бровями, чем-то напоминавший доброго гнома, сначала принял меня любезно.

– Это вы корреспондент? – он улыбнулся, обнажив остатки зубов. – Пожалуйста, проходите. Только не пугайтесь: с тех пор, как умерла жена, я не особенно убираю в квартире.

Тут он не обманул. Едкая пыль, смешанная с песком, так и лезла в нос. В горле запершило. Я сдерживался, чтобы не дать волю кашлю. От самого старика исходил неприятный кислый запах невымытого тела.

На кухню хозяин меня не повел, чему я был несказанно рад: она наверняка кишела тараканами. Открыв окно, за что я тоже мысленно сказал ему спасибо, усадил меня на стул, примостившись на диване с полинявшей обивкой.

– Дочь давно уже не приезжала, – как бы оправдываясь, он развел руками. – А мне многое не под силу. Да и что я могу позволить себе на грошовую пенсию?

Я согласился. Коротков, почмокав губами, продолжал:

– Так вы насчет Гришки Прохоренко? По-моему, не о чем говорить – все и так предельно ясно.

Мой рот открылся в виде большой буквы «о».

– Я думал, вы его друг.

– Был. А как бы вы отнеслись к человеку, который предал ваших товарищей?

– И кто-то располагает вескими доказательствами?

Он скривил рот.

– К сожалению, многие доказательства уничтожила война.

Я кивнул, добавив:

– Как против него, так и в его пользу, я думаю.

Это ему не понравилось. Скривившись, он взял одну из газет, лежавшую на белом от пыли столе.

– Вот, почитайте.

Превозмогая отвращение от сальных пятен, я поднес ее к глазам. По-видимому, именно здесь ушлый журналист разнес Прохоренко в пух и прах. Статья оказалась не такой огромной, как я думал. В принципе я и не узнал ничего нового: Григорий Иванович довольно подробно изложил мне содержание. Я швырнул газету на диван:

– Кто такой Б. Игнатьев?

Коротков засуетился:

– Какая разница? Ему следовало сказать спасибо.

– Вы уверены?

Ветеран побагровел.

– Я...

– Ладно, ладно, – я вовсе не желал душещипательных сцен. – Так вы не знаете, кто он?

Подполковник взял себя в руки:

– Человек старался, проводил расследование...

Меня начинал раздражать его скрипучий голос.

– Вы встречались с ним?

Владимир Егорович опустил глаза:

– Нет, но это не имеет значения.

Я присвистнул:

– Откуда же он черпал информацию? Где раскопал сенсационные факты?

– В музее героев-подпольщиков можно многое найти, – просипел старик.

Я с трудом улыбнулся:

– Значит, любой падкий на сенсации проходимец может писать о ваших друзьях что угодно, а вы будете спокойно принимать все за чистую монету, не пытаясь защищать их и не оставив такого права за товарищами?

Поистине позиция хозяина была удивительной.

Теперь сморщенная смугловатая кожа побелела.

– А если Игнатьев меня убедил?

– Интересно, чем? – Я опять взял в руки газету. – Разве он упоминает о каком-нибудь мало-мальски стоящем свидетеле? Впрочем, – я холодно посмотрел прямо в выцветшие голубые глаза, – вы-то сами почему остались живы? Ваше алиби и ваши объяснения, по сути, ничем не подтверждены, равно как и алиби ваших друзей.

Его руки, покрытые старческими коричневыми пятнами, затряслись.

– Какое вы имеете право!

– Имею! – зло выкрикнул я. – Мне непонятно лишь одно: почему Игнатьев сделал козлом отпущения именно Прохоренко. Но я докопаюсь до истины.

Лицо собеседника до такой степени побледнело, что я стал опасаться за физическое состояние подполковника.

– Может быть, есть какие-то другие свидетели, которых мой коллега не упомянул из этических соображений? Тогда следует отыскать и их.

Старик тревожно выпрямился, но в ту же секунду схватился за сердце, резко пошатнувшись. На его счастье, я оказался рядом и вовремя подхватил обмякшее тело. В устремленных на меня глазах я увидел явный страх.

– Вам лучше вернуться в Приреченск, – прошептал он прерывисто. – Бросьте это дело. Прошу вас. Это не кончится добром.

– А ваш друг Прохоренко так и будет жить с клеймом предателя, – констатировал я.

Он судорожно глотнул ртом воздух.

– Сколько нам всем осталось?

– Почему в таком случае вам не взять все на себя? – усмехнулся я. – Может быть, вы умрете раньше своего товарища по подполью.

Мое изречение ему не понравилось.

– Кроме того, – продолжил я, – у каждого из вас есть дети и внуки. Разве вам безразлично их будущее?

– Бросьте это дело, – упрямо повторил Коротков.

Я скривился, как от зубной боли:

– Это все, что вы можете посоветовать?

Он отвел взгляд.

– Кстати, как мне отыскать Светлану?

– Не знаю, – он был рад сменить тему. – Григорий рассказывал, как встретил ее в Кенигсберге. Больше о ней никто не слышал.

– А вы не пытались ее разыскать? Обычно фронтовики обращаются во все передачи, которые могут им помочь. Когда товарищей по общему делу остается мало, они пытаются сплотиться и поддерживать друг друга, разве нет?

Старик покачал головой:

– Мы даже не знали, с чего начать.

– Не знали или не хотели знать?

Его высохшая рука потянулась к стоявшей у двери палке:

– Немедленно покиньте мой дом! И чтоб я вас больше не видел!

Я не возражал: ветеран не вызывал симпатий. Но на прощание все-таки бросил:

– Вы спокойно спите по ночам?

В ответ раздалось нечленораздельное проклятие. Только очутившись на улице и глядя на синюю гладь, успокаивавшую глаза и нервы, я понял: запах в квартире Короткова – запах страха.

Глава 4

Татьяна Павловна жила на улице Гоголя. Это название никак не подходило грязной, пыльной, узкой улочке, сдавленной лепившимися вдоль обочины хибарками. Новые русские явно невзлюбили этот район. Во всяком случае, я не заметил ни одного особняка. Старушка оказалась дома, однако дальше прихожей меня не впустила.

– Я уже сказала все, что знала, – вытирая руки передником не первой свежести, поведала женщина. – Больше мне нечего добавить.

– Разговор в коридоре не рождает доверия, – вставил я.

Она пожала плечами:

– О каком доверии идет речь? Я не собираюсь исповедоваться.

– Но вы согласны с тем, что написано в статье?

Она отвернулась:

– У меня нет причин не соглашаться.

Я вспомнил: по телефону старушка разговаривала совсем по-другому. Что же произошло за столь короткий промежуток времени? В широко раскрытых глазах бывшей подпольщицы таился испуг.

– Что вам сказал Владимир? – быстро спросила она.

– Ничего особенного.

– Если он не приказал: уезжайте – то это сделаю я, – тихо

молвила старушка. – Давайте оставим все как есть. Неужели вам охота ворошить грязное белье?

– С каких пор истина и справедливость стали грязным бельем?

Повернувшись к ней спиной, я хотел совершить обманное движение и попытаться проникнуть в комнату, но старушка меня раскусила. Пожилая женщина оказалась на удивление сильной, к тому же я не ожидал мощного толчка в грудь. Какие-то доли секунды – и я вновь очутился под палящим солнцем. Тяжелая дверь захлопнулась с сильным грохотом. Мне ничего не оставалось, как направиться к верному другу – «жигуленку». Возле машины, тоскливо переминаясь с ноги на ногу, курил молодой страж порядка. По всей видимости, он поджидал меня.

– Слушаю вас.

Он взял под козырек:

– Ваши документы.

– А в чем, собственно, дело? Не там припарковался?

Для очистки совести я огляделся по сторонам. Возле соседних домов также стояли машины, но они его явно не интересовали. Я протянул паспорт.

– Сегодня угнали такую же машину, – радостно сообщил мне милиционер. – Вам придется проехать в отделение.

Я выпучил глаза:

– Вы подозреваете меня?

Парень хихикнул:

– Подозревать – моя работа. Именно за нее мне платят деньги.

На это нечего было возразить. Пришлось повиноваться.

В маленьком отделении, давно не знавшем ремонта, похожий на пигмея капитан, который, судя по возрасту, уже должен бы побывать майором и, возможно, даже подполковником, недоброжелательно скопил на меня желтые, как у кота, глаза.

– Вы журналист?

– Так точно, – отчеканил я. Скрывать правду от милиции не входило в мои планы.

– Что привело вас в наш город?

Это было уже чересчур. Насколько я помню, никто не обращался ко мне с таким дурацким вопросом. Я скривился:

– Не знал, что для отдыха требуется особое разрешение.

Он прищурился:

– У нас не любят чужих ищеек.

Я расхохотался:

– То есть вы хотите оставаться вне конкуренции?

Мужик сплюнул на грязный пол.

– Заводи свою колымагу – поедем в городское управление.

Пусть там определяют, что с тобой делать.

Городское УВД находилось в месте, более пригодном для смотровой площадки. Небольшой двухэтажный коттеджик лепился на верху холма, позволяя оперативникам каждую

минуту радовать глаз голубизной открытого моря. Запах кипариса, можжевельника и еще какие-то непонятные мне ароматы приводили в блаженное состояние. Сразу захотелось бросить все к чертовой бабушке, укрыться в спасительную тень акации и заснуть крепким сном. Я непременно так бы и сделал, но бдительный страж порядка постоянно дышал мне в затылок.

– Иди, иди, нечего глазеть.

Начальник УВД, подполковник Геннадий Николаевич Лепко (должность и имя-отчество с фамилией он прямо-таки выплюнул мне в лицо), толстый, похожий на раскормленного борова, с мокрыми от пота рыжими волосенками, сразу, как говорится, взял быка за рога.

– Ты что здесь вынюхиваешь?

Я соорудил огорченную мину:

– Насколько мне известно, мы с вами на брудершафт не пили, и тыкать мне не нужно.

Он открыл рот, как сазан, уже изрядно полежавший на солнце. Мысль о том, что какой-то писака осмеливается показывать зубы, была ему явно неприятна.

– Не забывайся! – от собачьего рыка любому стало бы не по себе. – Говори, что вынюхиваешь?

– Здесь, – я нагло обвел глазами комнату с претензией на евроремонт, – ничего. Ваш верный раб напрасно приволок меня сюда.

Лепко нахохлился, как попугай:

– Чтобы завтра тебя тут не было.

Я решил уладить дело миром, рассказав об истинной цели моего приезда и поведав о злополучной статье и письме Прохоренко в редакцию. Чистосердечное признание не облегчило мою участь. Подполковник залез пятерней в остатки волос.

– Игнатьева я знаю, – пробурчал он. – Между прочим, хороший журналист. Раз написано, следовательно, так все и было.

– Григорий Иванович утверждает обратное, – вставил я.

Толстяк усмехнулся:

– Засуетился, когда правда-то выплыла. Ясное дело, кому охота быть предателем.

– Но почему он должен быть им? – я вложил в свой вопрос как можно больше изумления. – Если бы я увиделся с Игнатьевым, я бы задал ему море вопросов. Статья меня не убедила. И вообще, на каких документах он основывался? Насколько мне известно, свидетелей не осталось.

Подполковник встал, и я понял: разговор окончен.

– В отличие от тебя, мы его поклонники, – доверительно сообщил он мне. – Так что можешь сваливать с чистой совестью. Передай старому хрычу Прохоренко, что я не собираюсь заводить на него дело.

– А его дети, внуки?

Он облизал толстые губы:

– Я, знаешь, не «Инкомбанк», чтобы вещать на каждом

углу: «Ваши заботы – наши проблемы». О молодом поколении нужно было раньше думать.

Я заартачился:

– А если это все же не он?

Лепко, взяв меня за локоть, подтолкнул к выходу:

– Он, больше некому. И заруби себе это на носу, пока его не сломали. В нашем городе не любят, когда кто-то сует нос в чужие дела. Короче, – он шумно вздохнул, – я тебя предупредил. Решишь задержаться – пеняй на себя.

Быстрый удар в челюсть отбросил меня к стене. Я даже не успел среагировать. Били мои противники профессионально, и любой счел бы правильным не связываться с ними. Тем не менее отступать я не собирался и, потирая ушибленную челюсть, жалобно проскулил:

– И все-таки мне надо что-то написать. Этим делом заинтересовался главный редактор. Если я ничего не привезу, он пошлет другого или приедет сам.

Оперативники переглянулись. По всему было видно, такая перспектива им не понравилась. После недолгого молчания, утерев пот со лба, Лепко выдавил:

– Сейчас я сделаю звонок в музей героев-подпольщиков. Кроме экспонатов, там имеются копии архивных документов. Вот и используй их в своем творчестве. – Подполковник вдруг широко улыбнулся, но я не расслабился. Его улыбка напоминала оскал доисторического чудовища.

– Прощай, – он похлопал меня по плечу кулачищами-ку-

валдами. – Именно прощай, понял?

– Я тоже хотел бы встретиться с вами только в другой жизни, – вежливо ответил я.

Выйдя на улицу, я зажмурился от яркого солнца. Горячий влажный ветер не освежал, а только выжимал последние капли пота. Сев в машину, я помчался в центр города. Если они вздумали меня напугать такими устаревшими методами, то просчитались. Просто так я не сдамся. К тому же разговор подогрел мое любопытство: с чего это сюда вмешалась милиция? Внезапно в голову пришла неплохая идея. Я притормозил у таксофона и, вынув карточку, купленную в киоске, набрал номер редакции газеты «Морской прибор».

– Вахта, – прошамкал старушечий голос. Я решил, что мне крупно повезло.

– Извините, мне назначил на сегодня встречу журналист Игнатъев, – вежливо начал я. – Однако мне придется ее перенести. Как я могу с ним связаться?

В трубке что-то зашуршало. Вахтерша, по-видимому, к кому-то обратилась. Фамилия Игнатъев ей ни о чем не говорила.

– Так бы и сказали, что к Димке Варнакову, – через минуту ответила бабуля. – Нет его сегодня. Завтра появится, – она вдруг ехидно усмехнулась. – А на встречу ты смотайся, голубчик. Редакция телефонов журналистов не дает.

Я не стал слушать ее кудактанье, повесил трубку. Мне еще

не встречался журналист без телефона, и поэтому, взяв в руки толстый справочник, я принялся перелистывать страницы, ища знакомую фамилию. В городе жило всего двое Варнаковых. По инициалам подходил один, и именно ему я не преминул позвонить. На мое счастье, он быстро подошел к телефону.

– Слушаю?

– Вы Дмитрий Варнаков? – я сразу перешел в наступление. – Мне хотелось бы встретиться с вами.

– Кто вы? – собеседник часто задышал.

– Раскрою карты, – я принял серьезный тон. – Кое-кому в городе Приреченске не понравилась ваша статейка о предательстве Прохоренко. Она ударила не только по старику. Меня послали разобраться в этом деле всеми возможными способами. – Это было не так, но его следовало поугадать.

Он вздохнул:

– Я знал: ничем хорошим это не кончится.

– Простите, а на основании чего вы сделали свои выводы? – похоже, он сломался раньше, чем я ожидал. Однако Варнаков неожиданно приободрился:

– Если вы действительно профессиональный журналист, мой вам совет – бросьте это дело. Вы не представляете, какие проблемы свалятся на вашу голову. Пусть все останется так, как было. Объясните это своим начальникам.

– В отношении Прохоренко? – уточнил я.

– Да.

Мои зубы скрипнули, как крышка старых карманных часов:

– Значит, вы поступили бы точно так же со своим отцом?

Вероятно, удар ниже пояса мне удался. Дмитрий засопел:

– Я не мог поступить иначе.

– Интересно, почему? Кто настоял на появлении вашей статьи? Скажите честно, вы ведь не сами раскопали сенсационный материал.

Его молчание, вероятно, являлось знаком согласия.

– Может, назовете имя?

В трубке раздались какое-то шуршание и щелчки, словно на том конце провода отбивали барабанную дробь.

– Все было, как в статье, – ему наконец удалось взять себя в руки. – И прошу вас, уезжайте. Больше вам ничего не нарыть.

В трубке раздались короткие гудки. Меня это не удивило и не испугало. Телефонный справочник любезно сообщил мне адрес Варнакова – улица Боевой Славы, восемь. Найти квартиру – дело времени. Я не сомневался: при непосредственном контакте с этим человеком у меня есть неплохие шансы докопаться до правды.

Глава 5

Ставший уже родным «жигуленок» быстро доставил меня на нужную улицу. Я еще раз похвалил маленькую площадь городка. Все необходимое находилось под рукой.

Двухэтажный домик из белого камня мне понравился. Любезные старушки, сидевшие на скамейке, – неизменная принадлежность любого двора – указали мне квартиру скандального журналиста. Тот жил на втором этаже, что позволяло ему любоваться морем каждый божий день.

– Интересно, он дома? – мне показалось: вопрос задан в никуда. Однако я ошибался. Кумушки тут же откликнулись:

– В одиннадцать утра в магазин ходил. Больше на улице не появлялся.

– А мог он скрыться незаметно?

Подобное предположение их развеселило.

– Да ты что, родимый? Весь дом как на ладони.

Это меня порадовало. Ужасно не хотелось рыскать по городу в пятидесятиградусную жару. Уверенно поднявшись на второй этаж и приняв гордый вид, я нажал на кнопку звонка. Никакой реакции! Никто не спешил мне навстречу с распростертыми объятиями. Я начал волноваться. Бдительные кумушки могли недооценить способности Варнакова исчезать незаметно. После нашего разговора Дмитрий вряд ли стал бы кипятить чайник в ожидании дорогого гостя. Привалив-

шись плечом к двери, я еще раз помучил звонок. К моему удивлению и ужасу, дверь открылась.

– Есть кто? – мой голос дрожал, как тремоло. Я осторожно прошел в большую, со вкусом обставленную гостиную. Стенка из карельской березы, мягкий уголок, обитый кожей, толстый ковер говорили о том, что хозяин явно не бедствовал. Об этом же свидетельствовало колоссальное наличие самой современной аудио– и видеоаппаратуры. Беспокойство росло во мне, как воздушный шар. Хозяин ни за что не оставил бы такую квартиру незапертой.

– Дмитрий, вы где?

Я прошел в кухню. Идеальная чистота неприятно резала глаза. Здесь тоже никого не было. Но какое-то шестое чувство говорило мне: Варнаков не покидал свои хоромы. Через минуту я смог в этом убедиться. Он лежал в ванной, свернувшись калачиком, словно пытаясь остановить кровь, обильно вытекавшую из раны на животе. Одного взгляда достаточно, чтобы определить: «Скорую» вызывать бесполезно. Зато неизвестно откуда взявшаяся милицейская машина, урча сиреной, уже подъезжала к дому. Старый трюк грозил сработать. Если я не проявлю расторопности, мне спокойно пришьют убийство. Именно это заставило меня проявить чудеса акробатики. Бабули на скамейке раскрыли рты, когда я, взобравшись на крышу по пожарной лестнице, бросился к противоположной стене дома. Это меня не спасало: кумушки все равно досконально опишут мою внешность. Впрочем,

наверняка менты и не ожидали увидеть на месте преступления никого другого. Спустившись на землю по второй пожарной, я подумал о везении: не пришло бы мне в голову поставить «Жигули» на платной стоянке в ста метрах от дома, мои руки уже сковали бы наручники. А так, спокойно сев за руль, я покинул злополучное место, направился на один из многочисленных диких пляжей, а там быстро стащил с себя футболку и джинсы и с разбегу бросился в чистую теплую воду. Отплыв на приличное расстояние от берега, лег на спину и принялся анализировать ситуацию. Без сомнения, меня подставляли, причем топорно и грубо. Наверняка этот придурок Варнаков после нашего разговора позвонил заказчику, и тот дал необходимые указания. Или – я сделал несколько гребков в открытое море – он находился в квартире? Нет, вряд ли, ведь журналист сначала чуть не сдал позиции. Неожиданно вздрогнув, я стукнул себя по лбу, отчего сразу погрузился по пояс. Щелчок в трубке и непонятные шорохи в квартире – не что иное, как появление незнакомца. Вот тогда-то Дмитрий и заговорил угрожающе, посоветовав мне убраться из города, вот тогда-то я и почувствовал странный испуг в его голосе. Вполне возможно, писака попросил помощи, а пришедший решил этот вопрос по-своему. Вероятно, он слышал наш разговор и пришел к выводу: на Варнакова положиться нельзя. Если Дима чуть не сдрейфил при телефонном звонке, где гарантии, что он не сдаст компанию при более тесном контакте? Итак, судьба журналиста реши-

лась в считанные минуты. Я как нельзя кстати подходил на роль убийцы, и теперь вся причерноморская милиция могла преспокойно сесть мне на хвост. Не было сомнений: в конце концов они доберутся и до отеля, и до меня самого. Кто-то да сообразит, что искать проще всего машину. Я погрузился в воду с головой, надеясь освежить размягченные солнцем мозги. Сейчас у меня есть фора, которой следует воспользоваться. За несколько секунд доплыв до берега и молниеносно одевшись, я бросился в машину. «Жулечка», взвизгнув тормозами, рванула в отель. Там, быстро покидав в пакет вещи, я, стараясь не попасться на глаза администратору, пронесся через холл на улицу. В ближайшем киоске купил газету, так и пестревшую объявлениями о сдаче жилплощади. Продавец любезно ознакомил меня с географией города. Вскоре я мчался на окраину смотреть однокомнатную квартиру. Ее хозяину, молодому парню кавказской национальности, так не терпелось получить деньги и рвануть в Сочи с подругой, что он даже не взглянул на мои документы. Еще за двести долларов добряк разрешил мне пользоваться своей машиной, допотопным «Москвичом». Быстро нацарапав что-то на клочке бумаги, он сунул ее мне в руки:

– Это доверенность. Нотариальная контора моего родного дяди Вазгена находится на соседней улице. Он тебе все оформит.

Я накинул еще пятидесятку, которая исчезла в кармане его потертых джинсов. Похлопав меня по плечу, мужчина

растворился в темноте.

Прокат машин работал круглосуточно. Я с сожалением избавился от многострадальной подружки – «Жигули», не забрав заплаченные за следующие два дня деньги. Владелец чуть не расцеловал меня.

– Полагаю, уже уезжаете из города? – подмигнув, спросил он.

Я кивнул:

– Именно так.

– Ну что ж, счастливого пути.

Какое-то шестое чувство подсказало: парень ни за что меня не выдаст, и от этого на душе стало легче. Все-таки со всеми можно найти общий язык.

Вернувшись в квартиру, я первым делом принялся за уборку. Затхлые, кислые запахи вызывали тошноту. В хате царил полный бедлам, что заставило меня предположить: малец получил ее по наследству и постоянно сдавал, причем кому ни попадя. Наряду с остатками еды двухлетней давности, встретившими меня мощной газовой атакой, и бутылками из-под всевозможных спиртных напитков я с содроганием выгреб некоторые предметы индивидуальной женской гигиены. Надраив полы и вывесив на балконе протертые ковры, я принялся за окна. К вечеру хата заблестела. Позволив себе сбегать на дикий пляж, до которого рукой подать, я с наслаждением погрузился в морскую воду и, энергично проплыв двести метров, решил: на сегодня с физическими упражне-

ниями покончено. Голова снова работала в нужном направлении. Во что бы то ни стало следовало отыскать заказчиков грязной клеветнической статьи, а заодно выяснить, зачем она понадобилась. На место подлецов претендовали два человека, причем одного из них, Варнакова, уже принимал городской морг. Правда, за моего коллегу говорил один факт. Из нашего с ним диалога выходило: бедняга кого-то страшно боялся. Люди, напавшие на сенсационный материал и желавшие донести его до читателя, так себя не ведут. Кто-то убедил молодого дурачка взяться за скользкую тему. Часто интересный материал подкидывает главный редактор. Эту версию тоже следовало проверить. Естественно, я не мог напрямую обратиться к нему. Оставалось только отыскать городскую библиотеку, попросить подшивку «Морского прибоя» за несколько лет и попробовать докопаться до истины самому. Так я и решил сделать – утром было чем заняться.

Едва продрав глаза от яркого солнца, бьющего в ослепительно чистые окна, я принял душ, съел два яйца всмятку, открыл шкаф и придирчиво осмотрел свой гардероб. Разгуливать в том же наряде, в котором меня видели старушки, опасно. Синие джинсы я заменил на белые хлопчатобумажные, футболку – на рубашку с короткими рукавами. Шляпа-сомбреро (вообще-то я терпеть ее не мог) позволила скрыть ежик светлых волос и пол-лица. Солнцезащитные очки с огромными, как блюдца, стеклами довершали маска-

рад. Легкая боязнь быть узанным осталась, однако делать нечего. Набрав телефон нотариуса, я попросил аудиенции. Старый «Москвич», столь необходимая вещь, неизменный будущий спутник моих поисков, нуждался в оформлении. Парень не обманул: дядя Вазген действительно согласился встретиться со мной без лишних вопросов в 14 часов. Оставшееся время я решил посвятить библиотеке, благо ближайшая находилась всего в десяти шагах от дома.

Яркое крымское солнце, морской воздух и манящая голубая вода расхолаживающе действуют на людей. Наверное, поэтому в полутемной комнате, кроме меня и юркой пожилой библиотекарши, никого не было. Я попросил у нее подшивку газет за последние три года, отказавшись записаться и раскошелиться на пять гривен. Старушка презрительно фыркнула:

– Все командировочные такие. Жалко копейку потратить. Кстати, я не обещала обслуживать гражданина другого государства.

Вытащив купюру, я протянул ей:

– Простите, не знал.

Сухая рука смахнула банкноту в карман:

– Что вам дать, вы говорите.

– Подшивку «Прибоя» за последние три года.

Женщина дотронулась до обвисшего подбородка:

– Архивную литературу следует оплачивать.

– Сколько?

Я вытащил двадцатку. Она кивнула:

– Этого хватит.

Через десять минут я получил нужный мне материал, заодно поинтересовавшись музеями славного города. Музей героев-подпольщиков действительно существовал. Стараниями оставшихся в живых трех членов организации он пережил тяжелые для себя времена, хотя и в данный момент не процветал. Ставшая вдруг необычайно любезной старушка сообщила мне, как туда добраться.

– А теперь работайте, сколько душе угодно.

Стопка старых газет настолько пропиталась пылью, что в горле запершило. Однако я ничуть не жалел о своих действиях. Пожелтевшие страницы рассказали многое. Главный редактор Николай Васильевич Омириди царствовал в несчастном издании с начала девяностых. «Морской прибор» скорее напоминал боевой листок с отчетом обо всех городских событиях. По содержанию статей я сделал вывод: коллективу редакции до смерти надоело сидеть на своих местах, и они «отписывались», лишь бы их оставили в покое. Омириди вряд ли волновала судьба его газеты. Во всяком случае, для того чтобы раскапывать сенсационные материалы, никто не шевелил и пальцем. Значит, редакция ни при чем. Значит, это кто-то третий, мне совершенно неизвестный.

Сунув обалдевшей библиотекарше еще двадцать гривен, я вышел на улицу и с наслаждением втянул в легкие свежий морской воздух. Мой путь лежал в музей героев-подпольщи-

KOB.

Глава 6

Небольшая комната с коридором на первом этаже двухэтажного обшарпанного дома – вот и все, что представлял собой музей. Об этом мне с горечью поведала другая хранительница древностей – Клавдия Федоровна, молодой экскурсовод и заведующая лет семидесяти, а возможно, и на десяток больше.

– Люди перестали интересоваться прошлым, – поджав губы, сообщила она мне, – совестно и больно глядеть на все это, – Клавдия Федоровна обвела рукой музей. Документы пергаментного цвета явно нуждались в реставрации. Личная одежда героев посерела от пыли.

– Цена экскурсии – пять гривен, – доверительно сообщила старушка. Я дал пятнадцать и был вознагражден небывалой словоохотливостью.

– Сколько мы продержимся без материальной помощи? – закудаhtала женщина. – Раньше сюда приходили и приезжали ученые-историки. Они копировали документы. Писали научные работы, статьи. Люди шли к нам толпами. Я уже молчу о том, что и у государства был несколько иной подход к музеям. Теперь же все дышит на ладан. – Ее покрасневшие глаза увлажнились. – В общем, городские власти посоветовали искать спонсора. Я обращалась с экрана телевизора, просила помощи у богатых людей города, да только где там! Те-

перь подрастающее поколение воспитывается на компьютерах. Да и Кольцов пообещал большую сумму тем, кто сумеет нас отсюда выгнать.

Мои брови поползли вверх.

– Кольцов? Кто это?

– Генеральный директор строительной компании «Алекс и К», – пояснила экскурсовод. – Он спит и видит, как снести это здание и на месте построить крупный торговый комплекс.

У меня вспотели ладони. Кое-что начинало проясняться.

– Почему же он не выделит вам помещение получше и не заберет себе этот сарай с потрохами? – я в недоумении почесал затылок. Клавдия Федоровна усмехнулась:

– Васька всегда был жадным. Ему выгоднее доказать: здесь материал, не представляющий никакой исторической ценности. Ну, существовала в городе подпольная организация. А где их не было? Ну, расстреляли ее членов. Так поставьте солидный памятник – и дело с концом. К сожалению, многие с ним согласны. Лишь оставшаяся в живых горстка подпольщиков высылает последние деньги на сохранение музея и пишет во все инстанции.

– Теперь их пыл поубавится, – вставил я.

Старушка ахнула:

– Почему? Не пугайте меня.

– Разве вы не читали статью Варнакова? – Я поднес к ее лицу ксерокопию, сделанную в библиотеке. – Это спровоци-

рует раскол.

Экскурсовод отмахнулась от бумажки, как от назойливой мухи.

– Это провокационная ложь! – возмущенно заявила она.

– И тем не менее героев кто-то выдал, – подсказал я.

Дрожащими пальцами женщина надела очки с толстыми линзами.

– Хотите, расскажу вам о них? Мы учились в одном классе, но я не состояла в группе. Мне удалось эвакуироваться.

Я примостился поудобнее на старом стуле. Она уселась напротив – и ее рассказ захватил меня. Из него получилась бы неплохая зарисовка ко Дню Победы. Даже очень неплохая. В ней переплелись бы радость и трагедия. Выпускной вечер 21 июня 1941 года, на котором присутствовали приглашенные девятиклассницы Таня Снежкова, Ия Сеницына, Инна Рожнова и Света Фадеева. Словно в подтверждение слов, старушка показывала старые снимки. Высокая изящная темноволосая Таня с модной стрижкой крепко держит за руку десятиклассника Пашу Лебедева, классный руководитель и будущий организатор подполья Вячеслав Петрович Котиков, стройный, сухощавый, обнимает за талию красавицу Инну Рожнову. Света Фадеева получилась плохо. Какое-то расплывчатое пятно вместо туловища, затемненное лицо. Удачно вышли лишь глаза, какие-то очень несчастные. По-моему, она смотрела на Котикова. Впрочем, может быть, я ошибался.

– Выпускники собирались ехать в горы, – звучал дребезжащий голос моей собеседницы, – но поездка сорвалась. А ночью на город сбросили бомбы. Так в Южноморск пришла Великая Отечественная война. Мы переселились в подвалы. Отцы ушли на фронт и воевали под Киевом, матери работали на Морском заводе.

Одноклассники, как могли, помогали городу. Они распределили между собой улицы, на которых собирали бутылки. Эти бутылки потом заполняли горючей смесью, чтобы бросать на танки. Люди гибли не только на фронте. Мамы Тани, Светы и Инны попали под бомбежку, когда шли за продуктами в соседнюю деревню. Снежкову приютила тетя Полина, Свету – знакомая родителей баба Шура, а Инну – сестра отца Надежда Ивановна.

За несколько месяцев десятиклассники, оставшиеся в маленьком приморском городе и потерявшие родных и близких, прожили целую жизнь. Вражеские бомбардировки не прекращались ни днем, ни ночью. Под страшную какофонию рвущихся снарядов они вместе с остальными спешили в убежище, а там, прижавшись к холодным скользким стенам, напряженно прислушивались и облегченно вздыхали, когда обстрел кончался. Потом они выбирались из укрытия и шли домой. Для впечатлительных Ии Сеницыной и Инны Рожновой это было самым страшным. На улицах, вспаханных бомбами, сиротливо валялись осколки мирной жизни – детские игрушки, вещи, обломки мебели. Возле них лежали

люди. Неестественные позы говорили о том, что им уже ничто не поможет. Ужасная музыка бомбардировки сменялась жуткими стонами раненых. Вот почему десятый класс с радостью принял предложение о начале занятий. Это было напоминанием о той, мирной поре, когда все они чувствовали себя счастливыми. Юноши и девушки с головой погрузились в учебу, несмотря ни на что. Говорят: человек привыкает ко всему, однако к этому ужасу ребята так и не привыкли. Не привыкли и к тому, что на утренних переключках отзывались не все.

В декабре у многих жителей города появилась возможность эвакуироваться, и они восприняли это как спасение. Давно закрыли продуктовые магазины. Не платили зарплату, продукты выдавали по карточкам, нечем было заменить вконец износившуюся одежду. Десятый «А» покинуло еще пять человек. Из сорока учеников осталось двадцать.

Когда стало ясно, что город придется сдать, корабли и подводные лодки, стараясь не попасться фашистским самолетам, не щадившим даже транспорт с красными крестами, потихоньку вывозили людей. Клавдии Федоровне повезло. Но многие ее одноклассники остались в Южноморске и стали свидетелями, как в него вошли немцы.

Взволнованная экскурсовод закончила свой рассказ:

– Да, так к нам пришла война.

Я посмотрел на часы. Три часа пролетели, как мысль. Это

и неудивительно. Хотелось слушать и слушать, не прерываясь.

– А потом? – поинтересовался я. – Вы так и не дошли до подпольщиков.

Клавдия Федоровна усмехнулась:

– Рада, что вам понравилось. Однако мне уже не столько лет, сколько вам. Извините, молодой человек, но я несколько устала. Может быть, встретимся в другой раз?

Не будь такой жары, я раскрутил бы старушку еще на пару часиков разговора. А так подумал: перекусить и отдохнуть не помешало бы и мне.

– Большое спасибо, – она довольно посмотрела на меня. Вероятно, желающих прикоснуться к истории было мало. – Буду ждать вас.

Глава 7

Выйдя из музея, я первым делом осмотрел беднягу «Москвича», сиротливо дожидавшегося меня в тени старого абрикоса, на мелкие и горькие плоды которого не зарились даже мальчишки. Вот почему они (плоды, разумеется) нещадно бомбили машину, оставляя на глянцево-зеленой окраске непривлекательные отметины, впрочем, не сильно меня беспокоившие. Я постучал ногой по колесам, потом, открыв капот, бросил беглый взгляд на внутренности доброго друга. Внешне все выглядело нормально. Помедлив еще несколько минут, я перекрестился и залез в салон. Настоящие убийцы, как правило, не останавливаются ни перед чем. Сюрпризы могли ожидать меня где угодно, и рука, повернувшая ключ зажигания, сильно дрожала. На этот раз, правда, все обошлось. Обдав едкими парами бензина проходившую мимо старушку, «Москвич» сорвался с места, устремившись по тихой улочке к широкой асфальтированной дороге. Откуда вынырнул черный джип, я сразу не сообразил. В одну секунду случилось то, что должно было случиться. На приличной скорости гигант протаранил моего боевого друга. В лицо брызнули осколки лобового стекла, а в голове пронеслась мысль, что мне вряд ли удастся выбраться живым. Стальная махина, тесно прижавшись к «Москвичу», загородила проезд. Стиснув зубы и попрощавшись с родителями, я пригото-

вился к самому худшему. Мокрая от пота и крови рука сжала гаечный ключ, предусмотрительно положенный в бардачок. Каково же было мое удивление, когда из джипа, смущенно улыбаясь, вышла белокурая женщина лет тридцати. Всплеснув руками, она направилась прямо ко мне.

– Эй, вы живы?

Низкий голос свел бы с ума кого угодно. Кобальтовые глаза с участием смотрели на мое залитое кровью лицо.

– Да вам немедленно требуется медицинская помощь!

Вжавшись в водительское сиденье, я молчал как рыба. Тем временем из машины выкарабкались двое здоровенных качков времен девяностых. Я подумал: вероятно, такие женщины до сих пор не появляются без охраны. Да, впрочем, было что охранять. Тот, что потолще, сверкая бритой головой, вежливо осведомился у незнакомки:

– Хотите, я замурую его в этой груде металлолома?

От гангстерских заявочек меня замутило. Дама тоже безгласно поморщилась.

– Заткни пасть, Амир, и тащи сюда аптечку.

Гориллообразный Амир попытался возразить:

– Какого черта... Этот тип покалечил вашу машину.

Женщина наконец оторвалась от созерцания моей поцарапанной физиономии и повернулась к нему:

– Ты прекрасно знаешь: во всем виновата я. Мне не следовало так гнать по переулку, надеясь на пустынную. Хорошо еще, что я не выжала из джипа максимальную скорость.

Качок фыркнул:

– Раз вы так считаете...

– Вот именно. Помогите ему.

Второй гигант, опередив приятеля, уже доставал аптечку. В том, как он передавал ее женщине, чувствовалось: это отношения хозяйки и подчиненного, причем крутой хозяйки, не терпящей возражений и неповиновения. Если бы она носила хлыст, это бы меня не удивило. Однако в данную минуту рабовладелица собиралась оказать мне помощь. Я скривился от боли, когда смоченная в перекиси водорода ватка коснулась кровоточащих царапин. Гримаса от нее не ускользнула.

– Потерпите, пожалуйста. И, может быть, вы наконец выйдете из машины? Трудно обрабатывать раны через окно.

Уже не опасаясь пакостей со стороны горилл, я покинул водительское сиденье.

– Как вас зовут?

Ее изящные руки, покрытые абрикосовым загаром, мелькали перед глазами.

– Никита. А вас?

– Валерия. Да, угодили вы в переделку, Никита. Ну, ничего. – Она выбросила использованную вату и взяла пузырек с йодом. – Я оплачу все расходы на машину.

Поросычьи глазки Амира зло сверкнули.

– А он оплатит ремонт вам?

Валерия сжала кулаки. Эти двое начинали действовать на

нервы не только мне.

– Сейчас вы оба отправитесь на станцию техобслуживания, где я являюсь постоянным клиентом, – безапелляционно заявила она. – Пусть там приведут машины в нормальное состояние. Понятно?

По растерянным лицам горилл было видно: подобный расклад их не устраивал. Не будь здесь Валерии, они давно бы превратили меня в мешок с переломанными костями. Однако вслух приятель Амира лишь покорно произнес:

– Есть, хозяйка.

– Вот и дуйте отсюда поскорее.

– Разве вы не вызовете ГАИ? – ошалело поинтересовался я.

Красавица улыбнулась:

– Шеф ГАИ Полосухин – мой хороший приятель. Разумеется, я позвоню ему сегодня вечером. Поверьте, он не будет в претензии.

Я разинул рот. Вероятно, моя новая знакомая была далеко не последним человеком в этом городе.

– Я так полагаю, доверенность на машину Амиру тоже не нужна. – Качок протиснулся на водительское сиденье «Москвича», явно не рассчитанное для таких габаритов.

Красотка утвердительно кивнула:

– Конечно.

– Тогда разрешите спросить: кто вы, прекрасная незнакомка?

Валерия посмотрела вслед отъезжающим машинам.

– Здесь недалеко есть кафе, – она взглянула на часы – золотую, усыпанную бриллиантами «Омегу». – Наступило время обеда, и я очень голодна. Надеюсь, вы разделите со мной трапезу. Там и зададите свои вопросы.

В моем животе уже давно урчало. Желудок был готов к принятию пищи и назойливо напоминал об этом.

– Если это недорого.

Она рассмеялась, показав ряд ровных сахарных зубов.

– Я угощаю. Идет?

Краска залила мне лицо.

– Я никогда ничего не делаю за счет женщин.

Красавица наморщила точеный носик:

– В другой раз вы пригласите меня. Договорились? – и, видя мое колебание, схватила за руку и потащила по узкой улице.

Кафе «Старая крепость» пряталось среди огромных туй и высоких остроконечных кипарисов. Несмотря на изысканность интерьера (коттедж был выстроен в стиле средневекового замка, а внутреннее убранство просто кричало о том, что отведать здесь блюда, даже самые неприхотливые, – это значит нанести своему бюджету непоправимый ущерб), заведение не пустовало. Более того, когда моя очаровательная спутница, распахнув передо мной дверь, пригласила меня войти, я не увидел ни одного свободного столика. Впрочем,

беспокоиться не пришлось. Высокая смуглая девушка, наверное, победительница одного из всевозможных конкурсов «Мисс чего-то», грациозно покачивая бедрами, направилась в нашу сторону. Ее личико приняло то подобострастное выражение, которое я уже сегодня видел у качков.

– Здравствуйте, – промурлыкала она, обращаясь в основном к Валерии. – Сейчас я вам накрою. Как обычно, да?

Моя спутница покачала головой:

– Сегодня я не одна. Принеси, пожалуйста, молодому человеку меню. Пусть сам выберет, что хочет.

На глазах посетителей, как по команде, уставившихся на нее, Валерия прошествовала в небольшую отдельную комнату. Посреди нее стоял небольшой стол, покрытый синей шелковой скатертью. Четыре стула с бархатными, под цвет скатерти спинками так и манили опуститься на них. Огромное окно с потрясающим видом на море украшало одну из стен.

– Какая роскошь! – невольно вырвалось у меня. – Странно, что здесь много посетителей. По-моему, обед в этом райском уголке не каждому по карману, – я рассмеялся, – мне придется ограничиться водой, чтобы иметь возможность как-нибудь пригласить вас.

– Не глумитесь! – женщина едва заметно улыбнулась. – Разве вы еще не поняли, что этот ресторанчик – моя собственность? Здесь мои гости не платят.

Я иронически поклонился:

– И все же гость не имеет права злоупотреблять гостепри-

ИМСТВОМ.

– Не беспокойтесь.

Я открыл было рот, чтобы сказать очередную любезную чушь, однако не рискнул это сделать при вошедшей с уставленным блюдами подносом официантке.

– Вы так и не взглянули в меню, – укоризненно проговорила Валерия. – Я рискнула заказать мои любимые жареные креветки. Это на закуску. Первое и второе извольте выбрать сами. Рекомендую утку в белом вине. Это наше фирменное блюдо.

– Целиком полагаюсь на вас. – Я отказался от лукового супа – еще одного фирменного блюда. Не люблю наедаться в жару, даже деликатесами.

– Да ешьте же!

Моя спутница ловко орудовала вилкой, справляясь с овощами. Ее порция креветок была значительно меньше моей.

– Чтобы реже появляться в тренажерном, – объяснила она, заметив мой взгляд. – Как креветки? Я привезла этот рецепт из Китая.

Я отправил в рот один из даров моря. Креветка действительно оказалась восхитительной. Минут пять мы сидели молча, наслаждаясь пищей. Когда же официантка убрала тарелки, заверив, что утка уже готова, женщина спросила:

– Вы приезжий?

Мои брови удивленно поползли вверх:

– Вы знаете в Южноморске абсолютно всех или в курортных городах научились безошибочно определять чужаков?

Она вновь продемонстрировала идеальные зубы.

– Приходится. Я первый заместитель мэра нашего города.

Это был удар ниже пояса. Я уронил салфетку. Незнакомка все же оправдала мои предположения – оказалась далеко не последним человеком в городе. Но первым замом мэра?

– Разве это женское дело? – пролепетал я.

– А вы тоже мыслите стереотипами, – произнесла Валерия. – Впрочем, неудивительно. Даже всегда понимающий меня муж долго не мог смириться с моим уходом в политику. На будущий год выборы, – как бы вскользь заметила она. – Естественно, я одна из претенденток на кресло мэра.

– Однако... – мое дыхание с шумом вырвалось из груди. – А что, ваш муж не политик?

– Борис делает деньги, – просто ответила женщина. – И у него это очень хорошо получается. Он предприниматель, занимается нефтью, и основные предприятия находятся в Тюмени. Он финансирует все мои проекты. Кстати, этот ресторан тоже мой проект. Изысканная кухня, сервис – все для любимых горожан. Вот вас удивило, что ресторан полон, а вы взгляните на цены. Между прочим, у вас пропадет чувство неловкости. Берите, берите, – она протянула мне меню.

Внимательно изучив его, я присвистнул. В Приреченске мне приходилось регулярно обедать в более дорогих заведениях. Если бы в городе открыли такой ресторан, все сотруд-

ники нашей редакции стали бы постоянной клиентурой.

– Жители в восторге, – продолжала Валерия, – я в прибыли, и таких проектов у меня целый воз и маленькая тележка.

– А вы, наверное, уроженка Южноморска? – предположил я.

Она покачала головой:

– Как раз нет. Я родилась в Калининграде, однажды приехала сюда к дальней родственнице и влюбилась в Черное море и этот маленький, но такой своеобразный город. Окончив университет, немного поработала в Калининграде по специальности, а потом перебралась сюда. Муж сначала роптал, он, видите ли, предпочитает мегаполисы, однако куда ему было деваться? Надо отметить, он не пожалел, решив вкладывать в Южноморск деньги. А я подалась в политику, хотя все считали меня неплохим экономистом. А вы откуда будете?

– Вы угадали, я не местный, – я галантно и шутливо поклонился. – Вы когда-нибудь слышали о Приреченске?

Валерия кивнула:

– Средняя полоса России. А здесь вы на отдыхе?

– На работе.

– Вы шутите? В такое время и в таком месте работают только местные жители, – ее удивление было довольно искренним.

– Я журналист, а нас часто посылают вовсе не на прогулку.

Она широко раскрыла глаза:

– Журналист? Уж не хотите ли вы сказать, что в нашем богом забытом уголке произошла история, заинтересовавшая газеты крупного города?

Я скромно потупился:

– Почти угадали.

Ее рука потянулась к бутылке с вином:

– Вы просто обязаны все рассказать мне.

Делая вид, что смакую ароматный напиток, я напряженно думал. Несомненно, дело, доставшееся мне, являлось самым настоящим журналистским расследованием, и тайна, которую мне предстояло раскрыть, была не только моей. Если бы не события, разворачивающиеся с быстротой и силой низвергающегося водопада и грозившие оборвать мою жизнь, я бы смолчал или сочинил бы на ходу какую-нибудь липовую историю вроде тех, какими в изобилии пестрит желтая пресса. Однако именно сейчас я, как никогда, нуждался в сильном покровителе. Без него этот маленький городишко проглотит меня с потрохами. На роль покровительницы моя новая знакомая подходила идеально. Решив, что ничего не теряю, я все рассказал Валерии. Она слушала, не перебивая, – уже хороший признак. Когда я закончил, новая знакомая тихо произнесла:

– Все это очень интересно и необычно. Да, я что-то слышала о подпольной организации в Южноморске. И все же мне непременно следует ознакомиться со всеми документами, знаете, одна голова хорошо... А вы, значит, будете ис-

кать настоящего предателя?

– Я обязан, – глоток холодной минералки живительной струей оросил мой пересохший от волнения рот. – В противном случае на семью невинного падет тень. Я не могу этого допустить.

– Вы правы. – Она подняла бокал с вином и произнесла: – Но вам не обойтись без помощника, – женщина словно читала мои мысли. – Я готова им стать.

Моей радости не было предела. Как я боялся, что она равнодушно отнесется ко всей этой истории!

– Есть один неприятный аспект, – я должен был предупредить ее, – мои благородные порывы нравятся не всем. Со мной уже пытались разобраться.

Рассказ о моих зловключениях красавица выслушала менее спокойно.

– Теперь вы можете взять свои слова назад, – предложил я. – У вас муж, карьера. Я же один как перст.

– Никогда, – она в волнении вскочила со стула, но тут же снова опустилась на него. – Я собираюсь встать во главе администрации города, и помочь выяснить истину – это мой долг, – Валерия перевела дыхание. – Мы должны действовать немедленно. Во-первых, вы съедете с той квартиры. Находиться там опасно.

Я развел руками:

– Но у меня почти нет денег. Я не могу позволить себе делать лишние траты. За квартиру заплачено вперед, хозяин

отбыл. Впрочем, если бы я даже и знал его местонахождение, то очень сомневаюсь, что он вернет мои кровные.

– За ту квартиру, где я хочу поселить вас, не придется платить, – кобальтовые глаза заблестели. – Собственно, это даже не квартира, а большая дача. Там вы будете в полной безопасности.

Я наклонился к ней, с наслаждением вдыхая запах дорогих духов:

– Хочу быть с вами предельно честным. Я нигде не буду в безопасности, неужели вы до сих пор этого не поняли? Вот почему эту помощь отвергаю категорически. Если с вами что-то случится...

Она сморщилась:

– Ничего не хочу слушать.

Женщина решительно встала из-за стола, подошла к стоящему на тумбочке телефону и заказала такси.

– Сейчас мы отправимся за вашими вещами, а потом поедem на дачу. И не спорьте, – Валерия заметила мой приоткрывшийся рот. – Делайте, как я говорю. Доверьтесь мне, – добавила она уже мягче. – И поймите: я помогаю небескорыстно. Это мой город. Став здесь мэром, я преподнесу людям в подарок – разгадку старой тайны.

Дача действительно была шикарной. Трехэтажный дом из красного кирпича служил наглядным свидетельством, что дела ее мужа шли хорошо. В моей голове юлой закрутилась

мысль: интересно, знают ли жители Южноморска про уютное гнездышко кандидата в мэры? Если да, то как они отнесутся к попыткам Валерии стать во главе города? А впрочем, какое мне до этого дело? Я бы проголосовал за нее обеими руками. Валерия повернула ключ в замке длинного высокого забора, и мы вошли в сад. На большом участке земли росли цветы, молодые абрикосы и персики. Сквозь зеленую листву пробивались спелые плоды. Я посмотрел на фрукты с обожанием. Персики и абрикосы я готов есть целый день. Моя знакомая снова прочитала мысли будущего постояльца.

– Фрукты ваши, – любезно произнесла она. – Терпеть не могу ничего собирать.

Огромный зал первого этажа содержал все атрибуты богатой жизни: домашний кинотеатр, диван какой-то старинной формы, музыкальный центр, шкаф с баром.

– Это столовая, – пояснила Валерия. – Спальня – на втором этаже. Вообще-то их несколько, так что занимайте любую, которая приглянется. На третьем этаже – бильярдная. Вы играете в бильярд?

Я покачал головой:

– Друзья обещали научить, да все как-то не было времени. Теперь очень жалею.

Она как-то загадочно улыбнулась:

– У вас все впереди.

Я растерялся:

– Вы предлагаете слишком много. Как, по-вашему, при-

нять такой подарок судьбы?

Она махнула рукой:

– Не думайте об этом. Здесь сейчас никто не живет. Поэтому никакие возражения не принимаются. Кстати, – женщина хлопнула себя по лбу, – надо поехать на вашу квартиру и забрать вещи. Я бы предложила вам кое-что из одежды мужа, но он гораздо плотнее и выше вас.

При упоминании о квартире я вздохнул. Возвращение туда даже на короткий срок чревато опасностями. Я готов был поклясться, что меня там ждали. Моя хозяйка сразу почувствовала, о чем я думаю.

– Дайте ключи. Я попрошу Амира забрать ваши вещи.

Какого же умного покровителя послала мне судьба!

– Так будет лучше, хотя я не исключаю, что вашего Амира узнают и вычислят мое местонахождение, – я был обязан предусматривать каждый шаг.

– Вы правы, – она задумалась. Гладкий лоб прорезала тонкая морщинка. – Мои накачанные телохранители – не самая удачная идея мужа – знакомы всем жителям. Пожалуй, отправлю туда свою приятельницу. Она живет в пригороде, многим мне обязана и рада будет сделать что угодно. А главное, ее никто из местных жителей не видел. Потом Анжела, так ее зовут, передаст вашу одежду мне.

Я почесал затылок:

– Вполне возможно, нас уже засекли. На вашу дачу в ближайшее время могут заявиться гости.

– За нами никто не следил, – отмахнулась она. – Во-первых, я бы заметила. Во-вторых, охрана сообщила бы. Что касается непрошенных гостей... Дачный кооператив хорошо охраняется. Кроме того, я сейчас подъеду к охранникам и попрошу обратить пристальное внимание на мою фазенду. Вам не о чем беспокоиться, Никита.

Кончиками пальцев она коснулась моей щеки:

– Мой милый, вы тоже должны мне обещать кое-что. Например, не предпринимать ни шагу без моего совета. Видеться с вами каждый день мы вряд ли сможем, хотя я буду очень стараться. Поэтому держите, – она положила на стол серебристый мобильный телефон. – Этот аппарат с новым стартовым пакетом. На нем записан только мой номер. Будем перезваниваться.

Я поблагодарил.

– И еще, – бросила она на прощанье. – Не думайте о плохом. У нас все получится. Приятного отдыха.

Оставив после себя легкий аромат французских духов, моя спасительница исчезла. Я остался один, но уже не чувствовал панического страха. Расслабившееся тело нуждалось в отдыхе. Не раздеваясь, я повалился на диван и через минуту уже спал крепким здоровым сном.

Глава 8

Утром я решил нанести визит в музей. Старушка-экскурсовод Клавдия Федоровна встретила меня с улыбкой.

– А я думала, больше не приедете. Понравилось у нас?

Я усмехнулся:

– Разве может не понравиться? Вы, наверное, как люди привыкшие, и не представляете, как чувствует себя человек у моря. Кажется, все можно отдать, чтобы наслаждаться этим прекрасным пейзажем и каждый день погружаться в чистую волшебную воду. Она и мертвого поднимет.

Клавдия Федоровна усмехнулась:

– Да, пейзаж у нас действительно великолепный, не спорю. Впрочем, и у вас не хуже. У меня сестра в Подмоскowie живет. Как приеду к ней в гости, так часами любуюсь берегами и речкой. Но, – она резко сменила тему, – перейдем к делу. Признаюсь, я кое-что вспомнила, хотела вас найти, да только вы адреса-то не оставили.

Я похолодел. Обычно такие люди по пустякам не беспокоят.

– И что же вы вспомнили?

– Один ваш коллега уже интересовался этой историей, – пояснила экскурсовод. – Я случайно обнаружила его визитку. Слышал о таком? – она протянула мне белый картонный прямоугольник, на котором коричневыми буквами, перепле-

тенными в какую-то причудливую вязь, было написано: Артем Петрович Коваленко.

Внутри меня что-то оборвалось.

– Да это же известный киевский журналист!

Хотя я лично незнаком с Коваленко, его скандальная передача «Хотите – верьте», пользующаяся огромной популярностью как в Украине, так и в России, снискала ему славу. Это в своем роде украинский вариант малаховской «Пусть говорят». Правда, надо отдать ему должное, Артем готовил свои выпуски более тщательно. К нему никогда не приходили престарелые граждане, желающие посплетничать, или спившиеся сельские жители средней полосы, совершенно неожиданно ставшие знаменитыми по какой-нибудь смешной причине. Впрочем, как коллега я понимал Малахова. Хочешь заработать – надо крутиться, ежедневно радовать зрителей, а где отыскать такое количество сенсационных сюжетов? Коваленко, в отличие от Андрея, не гнался за количеством и деньгами. В течение месяца он лично рыскал по странам СНГ, выискивая настоящие сенсации, и в конце концов находил. Каждую его передачу я и мои коллеги смотрели с открытыми ртами. Помню, когда приреченское телевидение отключило киевский кабельный канал, мы, журналисты, даже ходили к главе администрации города, объяснившему, что подобными делами он не занимается. С этого момента прошел, наверное, год, и я сильно скучал по Коваленко и его передаче. Сейчас, кажется, выпала возмож-

ность пообщаться с ним.

– Он вам что-нибудь говорил? – осведомился я.

Старушка закивала:

– Разумеется. Артем очень радовался, что наконец попал на настоящую сенсацию. Именно так он и сказал: настоящая сенсация в маленьком городишке Крыма.

Услышав это, я помрачнел. Согласитесь, как порой ни преклоняешься перед более маститыми специалистами в твоей области, все равно обидно, если они успели схватить с неба ту звезду, на которую ты положил глаз.

– Артем, кроме передачи, намеревался написать книгу, – не замечая моего состояния, продолжала экскурсовод, – обещал приехать и подарить, да, видно, закрутился. – Она немного помолчала. – Особенно тщательно он изучал дневник и искал вторую часть.

Мои глаза округлились до такой степени, что стали похожи на пятикопеечные монеты советской эпохи.

– Какой еще дневник?

– Вячеслава Котикова.

Я попытался взять себя в руки, чтобы не обрушить на женщину свой гнев. Надо же, умолчала о самом главном!

– Котиков вел дневник? Почему же вы мне о нем не рассказали? Вы должны были сделать это в первую очередь! – Переведя дыхание, я спросил: – А что там было?

Клавдия Федоровна развела руками:

– Можете посмотреть и сами. Вот первая часть.

Я осторожно взял в руки черную тетрадь.

– Здесь рассказывается об удачах и неудачах подпольной группы, – пояснила старушка. – Коваленко переснял листы, однако не сделал однозначного вывода. К сожалению, все обрывается на самом интересном месте. Хотя у читателя и появляются кое-какие мысли, но... – она помедлила с продолжением.

– Но? – поторопил ее я.

– Они вряд ли верны, – закончила Клавдия Федоровна. – Ходили слухи, что Котиков написал еще. Только куда тетрадочка потом делась – ума не приложу. Во всяком случае, ни немцы, ни наши ее не нашли, – она сморщилась. – Может, это и неправда, во всяком случае, я уже начинала так считать, однако Артем разубедил меня. Он сказал: «Эту часть Котиков отдал кому-то из соратников или спрятал. Но нет ничего тайного, что бы не стало явным. Кажется, я знаю, где ее искать».

– И нашел?

Клавдия Федоровна пожала плечами:

– Не знаю. Мне кажется, да. В последний день своего пребывания он заглянул сюда, позвонил Валерии Ярцевой, нашему заместителю мэра, сказал о какой-то сенсации и назначил ей встречу. В полдень она пришла ко мне и попросила показать материалы о Котикове. Больше я его не видела.

– Пожалуйста, оставьте меня одного, если можно.

Вообще-то я не собирался засиживаться, но ноги отказа-

лись слушаться. Черная тетрадь жгла руки. Я примостился в старом кресле и с волнением раскрыл ее. Командир подпольной группы Вячеслав Петрович Котиков описывал все красочно и обстоятельно. Несомненно, он обладал литературным даром, и я представлял картины страшного сражения, после которого оставшихся в живых бойцов немцы загнали в скалы, а те, поняв безнадежность положения, решили сдаться. А потом – долгая дорога, длинной лентой окаймлявшая родной город, драка с конвоирами, удачный побег. Котикову удалось отыскать Инну Рожнову, к которой он испытывал сильные чувства, к счастью, взаимные. Она и Надежда Ивановна спрятали его в полуразрушенном домике.

Вместе они придумали хитрый ход. Вячеслав нашел поручителей, отправившихся с ним в полицейский участок и подтвердивших, что он потерял документы и что перед ними учитель истории, больной туберкулезом и поэтому получивший броню. Немцы поверили. Они выдали ему вид на жительство, зарегистрировали в домовой книге и на бирже труда.

Котиков неоднократно пытался связаться с партизанами, однако это ему не удавалось. И молодой человек решил бороться с гитлеровцами своими способами. Из оставшихся в городе учеников он создал подпольную организацию. Сначала им везло. Все запланированные мероприятия проходили без сучка без задоринки. Что случилось потом? Этого так и не удалось ни понять, ни объяснить. Вне сомнения, в группе

появился предатель, сливавший немцам информацию. Каждая тщательно разработанная операция заканчивалась провалом. Один за другим погибали молодые ребята. Растерянный Вячеслав не знал, на кого думать. Он сузил круг доверенных людей, но это ни к чему не привело. Каждый вечер учитель анализировал события и не переставал поражаться. Прежде чем подпольщики шли на задание, они готовились, то есть узнавали все подробности об интересующих их объектах. Никогда их действия не были спонтанными. Как же в таком случае получалось, что их там ждали? Да, именно ждали. Значит, кто-то предупреждал фашистов. Благодаря чьим-то наводкам гитлеровцы проникались уверенностью: данные происшествия – это не дерзкие вылазки одиночек. В городе действует подпольная организация. Однако кое-что не сходилось. «Почему же мы до сих пор не арестованы? Почему предатель, если таковой имеется, не выдал наше местонахождение? Ведь стоило ему намекнуть, и немцы, ворвавшись в домик Рожновых, нашли бы и оружие, и листовки, – писал Котиков. – Кто-то, желавший гибели организации и сообщавший немцам о каждой операции, не хотел сдавать все подполье. Почему? Ответ напрашивается один. Предатель не хотел, чтобы пострадали все. Кого он жалел, кого выгораживал? Если Инна беременна, она беспокоится за меня и ребенка. Допустим, о своей беременности она узнала намного раньше, чем сказала мне, и придумала способ разрушить организацию вот так...»

Я вытер рукой вспотевший лоб. Можно представить, как мучился этот человек.

Если бы я не знал о существовании второй тетради, для меня не составило бы труда определить предателя. Однако вторая часть существовала, и это не давало покоя. Котиков вычислил стукача. Недаром все очевидцы казни были тверды в своих показаниях – командир подпольной группы кричал: «Инна ни в чем не виновата... Это сдела...» Пуля попала ему в сердце. Фраза осталась незаконченной.

Глава 9

Из музея я вышел мрачнее тучи. По всему выходило, Коваленко отыскал просто исчерпывающее количество материала. Теперь моя статья не представляла никакой ценности. На украинском телевидении, несомненно, передача уже прошла, и в данный момент ее автор готовит книгу. Проводить нечто подобное в России – значит заниматься плагиатом. Таких в нашей среде просто не терпят. Оставалось порадоваться за свой журналистский нюх, который не подвел: это дело действительно пахло сенсацией. Но во всем остальном я потерпел фиаско. Надо собирать рюкзак и двигать домой. Я уже хотел позвонить Валерии, поблагодарить за все и откланяться, как вдруг меня осенило: можно поговорить с моим начальником, Анатолием Николаевичем Пенкиным. Пусть тот выяснит, когда Коваленко делал передачу, и постарается, используя все свои связи, получить запись и экземпляр книги. Какое-то шестое чувство подсказывало: это нужно сделать обязательно. Дело в том, что один факт вызывал удивление. Почему известный журналист не привез в Южноморск свою книгу? Он же обещал подарить ее библиотеке и музею. И потом, по словам экскурсовода выходило, что Артем вычислил предателя, а Варнаков написал статью, проведя собственное расследование, уже позже. Как это, спрашивается, понимать? Почему провинциальный журналист проигнори-

ровал мнение маститого коллеги? Или не проигнорировал, а просто не имел о нем никакого представления? Почему? Когда возникает масса вопросов, факты нуждаются в проверке. Не теряя времени, я набрал рабочий телефон Пенкина. От сочного баса содрогнулись барабанные перепонки.

– Слушаю вас.

– Здравствуйте, Анатолий Николаевич, – вежливо отозвался я. К моему удивлению, редактор узнал меня сразу.

– А, блудный сын? Еще не обуглился на крымском солнце? Пролежни не появились?

Мне было не до шуток.

– Скорее преуспел в беге на разные дистанции и собираюсь выставлять свою кандидатуру на Олимпиаду в Сочи, – отозвался я без эмоций.

Он оторопел:

– Что ты говоришь? Неужели все так серьезно?

– Серьезнее, чем вы думаете.

– Чуяло мое сердце... Так и знал: это не просто отпуск...

Надо было все рассказать мне... Выслать подмогу? – Он немного помолчал, словно собираясь с мыслями. – А впрочем... Мне дорога твоя жизнь. Бросай-ка все к чертовой бабушке и дуй домой.

– Ну уж нет, – запротестовал я. Зорина никогда бы не бросила все на полпути. – Мне просто нужна ваша помощь. Можете кое-что узнать?

– Если это в моих силах.

– Я надеюсь. – В трубке что-то затрещало, и я поспешил добавить: – Вы знаете Артема Коваленко?

Анатолий Николаевич сразу понял, о ком идет речь:

– Автора «Хотите – верьте»? Лично незнаком, но мой очень хороший приятель – его продюсер. Что же тебе надо от Коваленко?

– Он откопал интересующую меня тему раньше, чем я, – пояснил я, – еще полгода назад Артем пообещал музейным работникам, что вышлет свою книгу. Однако обещания не сдержал. Естественно, мне интересно почему. Кроме того, прочитать его книгу и просмотреть запись передачи – моя святая обязанность.

Пенкин хмыкнул:

– Выходит, ты не первый? Киевляне тебя опередили?

– Они на своей территории.

Главный вздохнул:

– Тогда повторяю: почему бы тебе не послать все к чертям и не вернуться?

– Не все сходится.

Шеф сдался:

– Хорошо. Как с тобой связаться?

– Я сам вас найду. До свидания.

– Тогда не медли со звонком, – брякнул он на прощанье. – Считаю, я уже набираю Киев. Самому не терпится пообщаться с украинским коллегой.

Я нажал кнопку отбоя, отложил телефон в сторону и за-

думался. Еще одна мысль – о том, что Валерия не была со мной откровенной до конца, – постоянно сверлила мозг. Почему моя благодетельница скрыла факт знакомства с Коваленко? Почему разыграла комедию, сказав: мол, почти ничего не слышала о подпольной группе в своем родном городе? А дневник, который вел Котиков? Куда делась вторая часть? Если тетрадь существовала на самом деле, нашел ли ее Артем? При положительном ответе талантливому журналисту ничего не стоило вычислить предателя. Впрочем, хватит гадать на кофейной гуще. Вполне возможно, Коваленко давно поставил в этом деле жирную точку, о чем мне и сообщит мой уважаемый начальник. Наверное, он уже знает ответы на многие вопросы. Я потянулся к мобильному, и тут он неожиданно разразился мелодией «Вечерней серенады». Моя покровительница вспомнила о существовании бедного журналиста из Приреченска.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.